

Ирина КОРНЕЕВА

Николай Дупак. За Высоцкого меня снимали с работы

На Высоцком всегда зарабатывали в тысячу раз больше, чем платили. Ставка за концерт была 13 рублей 50 копеек, ему выписывали 56 рублей, а потом я как ответственный за политико-воспитательную работу в коллективе долго оправдывался перед партийными органами, министерством, ОБХСС, что он поэт, композитор и исполнитель в одном лице и что авторские гонорары тоже надо учитывать. А в театре первое время по договору он получал 110 рублей, к 80-м годам — 200 рублей (у Любимова зарплата была 300). Театр находился на хозрасчете — что заработаем, то и получим, потому и спектаклей старались сыграть побольше, чтобы премию дать, выходных побольше сделать — «Таганка» на «пятнадцатке» была.

Полгода Высоцкий не работал в театре — его уволили. Потом, конечно, взяли обратно — без него «Таганку» не представляли. Просто на его примере в театре мы демонстрировали политику дисциплины: уж раз Высоцкого уволили, то нам-то уж в случае чего и подавно несдобровать.

Из-за ревности к успеху ему приходилось выслушивать от коллег: «Вот он — белая кость, а мы — черная?». Высоцкий был очень ранимый, хотя и не показывал этого. На хамство хамством старался не отвечать, но был разборчив в людях. Мне приходилось от него слышать: «О, нет, с этим подонком я на концерт не поеду»...

В театре реановали к его популярности, особенно на гастролях, к тому, как тянулись люди к Высоцкому. Он даже подумывал о том, чтобы перейти на Малую Бронную — когда я одно время был директором Театра на Малой Бронной. Там работал Эфрос (а Высоцкий очень трепетно к нему относился) и состав был — Даль, Любшин, Петренко, Дуров, Коренева, Казаков...

...Выступления перед фронтовиками для него были святыми. И всегда проходили с неизменным успехом. А когда шло строительство театра и у меня возникали проблемы, я всегда его брал с собой, никогда не слышал от него, что, мол, занят, некогда.

Он вообще ко мне относился по-доброму, старался оберегать. Если назревала конфликтная ситуация, просил: только не заступайтесь за меня, вы же знаете, чем это оборачивается... Но в конце концов меня все-таки сняли с работы «за плохо поставленную воспитательную работу», в том числе и за Высоцкого. Тогда театр пригрозили забастовкой: не выйдем на сцену, если не вернете Дупака... Спусти какое-то время я вновь работал на Таганке.

Много велось разговоров, в том числе и с Фурцевой, о том, чтобы легализовать творчество Высоцкого. Но всегда с одним результатом: не надо никаких афиш, выступлений. Конечно, это задевало его. Однажды в Театре эстрады буквально перед самым выступлением позвонили и сказали, что его не надо выпускать на сцену. У Высоцкого была истерика...

Были, конечно, и трагические ситуации. Во время 23-го партийного съезда Высоцкий приехал в театр на спектакль — «мама» сказать не мог. Я попытался спасти положение: «Володя, мы вместе выйдем на сцену, я буду тебя придерживать, а когда отпусти, ты только покажи на горло и разведи руками». Выходим. Наступает гробовая тишина. Я говорю, что руководство театра приносит зрителям свои извинения, главный исполнитель потерял голос, спектакль состоится не может и переносится на такое-то число, на наш выходной день, а кто хочет, может сдать билеты в кассу. Отпускаю его, он делает все,

Воскресенье. — 1999. — 28 января. — С. 6

...Я был Высоцкого пионеры встречали, как вождя

как я просил. Перед уходом за кулисы еще раз повторяет, и с такой виноватой улыбкой, что зал просто грохнул от хохота... Валерий Золотухин, описывая этот случай, вспоминает, что кто-то из зала крикнул: «Пить надо меньше!». Я такого не слышал. Могли разве сказать: «Петь надо меньше». Его ведь боготворили...

Все он делал как в последний раз с отдачей неистовой. После концертов у него пальцы кровоточили от струн. Ведь и право называться мужем Марины Влади надо было зарабатывать...

...Даже после смерти органы боялись его таланта. Пришло распоряжение: никаких выступлений на кладбище. Но, конечно, я рискнул, сказал, что мы даже не представляем, кого потеряли...

Зинаида Славина. Для меня он был братом

Он был моим любимым актером. Мы были парой гневных в одной упряжке. Мне легко с ним было играть, потому что он помогал, он тянул, он был лидером. И мы доверяли друг другу самое сокровенное, как брат с сестрой.

На репетициях он знал текст первый. Еще все ходили с листами в руках, а Высоцкий уже все помнил наизусть. Когда он учил? Когда он писал? По всей видимости, не спал ночами.

Он обычно рано приходил на репетиции. Готовился. Делал гимнастику. Всегда повторял текст. Заглядывал в примерную, говорил: «Давай, Зинок,

Владимир Высоцкий
и Зинаида Славина.
«Добрый человек из Сезуана»

О Владимире Высоцком написано много. Возможно, даже слишком много — столько у него было друзей (после смерти их стало втрое больше). 25 января ему исполнился бы 61 год. Своими воспоминаниями о Высоцком мы попросили поделиться двух действительно близких ему людей, пожалуй, реже других афиширующих свою причастность к таланту Высоцкого. Сколько раз Николаю Дупаку — директору «Таганки» той поры — приходилось объяснять в различных инстанциях, почему, например, Высоцкий поет никем не утвержденные программы и получает гонорар выше, чем другие артисты, и почему ему легко сходит с рук то, что не прощали никому... А когда после смерти вскрыли архивы Высоцкого и нашли его «театральную» анкету, в графе «Ваша любимая актриса» было написано: Зинаида Славина.

Владимир Высоцкий и Николай Дупак в дивизии Дзержинского

пройдемся, чтобы отскакивало от зубов». А когда он один на ходу выверял текст, говорил вслух, не стесняясь. Мог не заметить людей. Те обижались, что он зазнался, а он просто в тот момент видел только строки. Мимо меня раз прошел с текстом, говорю: «Володенька, мы с тобой не поздоровались, ты что, сердись на меня?» — «Нет, — говорит, — я был в себе».

Была, конечно, зависть в театре к нему, и это ощущалось. Но было и бессознательное восхищение. Он был так талантлив и так далек от всех, что, по сути, пропасть была между ним и людьми. Хотя у него во всех странах всегда находилась масса друзей — откуда, не знаю. Всегда был облеплен людьми. И вместе с тем так, мне кажется, одинок.

...Зарплаты у всех у нас были маленькими. А когда выезжали на гастроли, все работники театра — и актеры, и рабочие сцены — получали одинаково, по 25 долларов в сутки. Он

совершенно нормально на такое «равенство» реагировал. Да и было стыдно говорить о деньгах. Наше поколение не возникало на эту тему: нас удовлетворяло то, что мы получали желаемое на сцене, и когда мы приходили в театр, забывали про все зарплату.

...Разгиримировывался он быстро, потому что всегда спешил домой. Быстро ездил на машине, и такая же быстрая походка у него была.

И ел быстро как человек умеющий работать. Володя всегда очень быстро заканчивал трапезу, не было с ним такого: посидеть в буфете, потянуть время...

А доброта его была качеством, которое я на себе испытала. На 15-летие театра я пришла вся в черном, а он меня спрашивает:

— Ты будешь на вечерне сегодня?

— Нет, я же вся в черном.

— Это не беда, — сказал он. И через час у меня было платье небесно-голубого цвета. И я весь вечер танце-

вала, веселилась, а он заметил: «Ну вот, ты теперь, как ангел небесный». А из-за границы он мне всегда привозил колготы: «Ты их рвешь, а надо, чтобы ножки были аккуратные». Для меня он был родным человеком — братом.

Я с ним познакомилась еще до театра. Он в общезнании театральном установил меня и говорит: «Вот тебе я хочу спеть, посиди, послушай. Есть у тебя время?». Он меня первый раз видел, просто по глазам выбрал. А я тогда еще даже не училась — поступать приехала. Послушала, говорю: «Это что-то необыкновенное, ты такой талантливый, что у меня слов нет». А он пел, не щадя себя, перед одной мной так, словно перед большой аудиторией, как будто это был его суд: как я скажу, так и будет.

И потом в театре я его часто хвалила: «Какой ты хороший, Володенька, какой ты умный». Он весь таял от смущения, но когда его ругали, у него скулы ходили ходуном и пот поливал лицо — он терпеть этого не мог. Да и что там было его ругать, когда он так затрачивался...

Был случай, когда его исключили из театра — за пьянство. Он прибегает: «Зина, я не знаю, что делать, как мне быть? Меня же из театра выгнали». Я его научила, говорю, а ты встань на колени перед Любимовым и скажи: «Отец родной, не погуби!». Он так и сделал, а Любимов подумал, что Высоцкий пьяный и закричал: «Щенок, встать с колен! Ты что ползешь, встать не можешь?». Володя потом зашел ко мне: «Ну ты меня, Зин, и научила...».

У Высоцкого сложные были взаимоотношения с Любимовым. Потому что Юрий Петрович не видел его во всех ролях, какие хотел играть сам Володя. Гамлета ему дать сыграть он уговаривал Любимова сам, просто ходил по пятам и просил: «Я хочу Гамлета, я хочу Гамлета». А шеф отвечал: «Подожди, подожди». Видимо, не видел в нем Гамлета, сомневался и поэтому тянул время. А Володя очень нервно ждал. Ему было очень важно получить роль Гамлета. И когда он этого добился, работал, конечно, неистово. И Любимову подчинялся беспрекословно, это у нас у каждого было — верить свято в режиссера. Без этого нельзя работать: не будешь пластилином в его руках и не слепят из тебя ничего.

...Поклонников он любил. Делал им контрамарки, и я делала, у нас больше всего народу пробегало без билетов, мы были экономически невыгодны театру артисты. Администраторы такой любви к безбилетным поклонникам с нами не разделяли, и нам приходилось выпрашивать или просто другими путями проводить гостей — через служебный вход... Володя всегда меня предупреждал: «Сегодня у меня гости, играй ярко, чтобы запомнилось». Или: «Играй, как в последний раз» — это его любимая фраза была. А как цветы он любил! Всегда все домой уносил. Я помню в Болгарии, на гастролях, когда от портала до портала вся сцена была заставлена корзинами цветов и пионеры нас встречали на улицах, как вождей, отыграли мы «Доброго человека из Сезуана», и я говорю: «Ну вот, Володенька, теперь можно и умирать, так нас чествуют». А он: «Что ты, еще не вечер!». А потом поцеловал и попросил меня никогда так не говорить — суеверный был очень. А мне почему-то казалось, что вот такая смерть в славе — это так красиво...

Дома мы никогда друг у друга не бывали, но у нас был уговор: что я поживу в его квартире, а он — в моей, чтобы его не беспокоили и чтобы он мог совершенно спокойно поработать. Но не получилось... За пять дней до смерти мы стояли на «Преступлении и наказании», он опирался на меня и говорил: «Дай, Зинок, поддержи за тебя, у меня сил нет, мне так спать хочется». Видимо, он так устал, так перетрутился, перенапрягся, сгорел, как метеорит. А работал он до пота. Когда обнимала я его на сцене, он был весь мокрый...